

Надеждина Нина

26478.

29 ЯНВ 1978

ЧЕЛКОВСКИЙ РАЙОН
ЧЕЛЯБИНСК

ДАРОВАННЕ МОЛОДОЙ БАЛЕРИНЫ

Молодая балерина Челябинского театра оперы и балета имени М. И. Глинки Нина Надеждина запомнилась мне в «Спартаке» Хачатуряна еще три года назад. А ведь танец ее не отличался тогда высоким мастерством и техникой.

Но увлекали прекрасные по форме движения, окрашенные певучестью и мягкой лирикой. Запомнились отчаянно вскинутые руки в реквиеме — заключительной сцене «Спартака»: выхваченные лучами света из темноты, они представлялись беззащитными. И казалось, будто Фригия Надеждиной тихо и приглушенно стонет.

Но особенно трогала в ее танце какая-то увлекающая скромность жеста. Балерина вызывала чувство благодарности к героине — верной, неподдельно чистой, бесхитростно доброй спутнице Спартака — Фригии.

Такой запомнилась мне молодая танцовщица в балете «Спартак». Потом, как я ни пытался увидеть спектакль с участием балерины, это долго не удавалось. Пытался узнать, в чем дело. Отвечали, что Надеждина больна и не работает. Но в конце прошлого сезона на спектакле «Бахчисарайский фонтан» под звуки легкой, грациозной мелодии вальса на сцене показалась совсем девочка, небольшого роста, с русыми, гладко уложенными волосами, собранными сзади в локоны. В каждом ее движении — доверчивость, доброта. Конечно, я узнала ее, это была Надеждина в роли Марии.

Я наблюдала особую стройность движений и в танце с Вацлавом (А. Мунтагиров), и на балу с го-

стями, и, наконец, последнюю позу, когда Гирей (В. Дмитриев) склоняется перед ней в низком поклоне.

Смотрела и думала: «Как жаль, что закончился первый акт, самый танцевальный в партии Марии». Второй акт лишает танцовщицу чистоты танца, в нем больше пантомимы, которая вряд ли под силу неопытной балерине. И действительно, в первом акте танец придавал Н. Надеждиной естественность и уверенность в себе,

«Спартаке», а порой и в испанских танцах («Испанские миниатюры»). И везде — не в сольных партиях. Этого я не могла понять. Ведь в нашем балете не так уж много интересных лирических танцовщиц.

Н. Надеждина, пожалуй, истинная лирическая танцовщица. А в ансамбле она старается делать движения, как все, стремится быть похожей на всех, в массе терлет индивидуальность, лирическое начало. Отсюда, навер-

дит прекрасного принца в алом костюме. Осторожно, как бы не веря своим глазам, обходит его, только потом решаясь приблизиться к принцу. Трогательно и нежно исполняет Надеждина адажио. Певучая музыка, целомудренное, мягкое исполнение, плавные переходы из одного движения в другое — все воспринимается (по выражению Б. А. Асафьева), как «поэма о чистой девичьей душе, с волнением стоящей на пороге жизни, как симфония детства, детских дум и детской любви».

В прелестной задумчивой музыке П. И. Чайковского во втором акте в вариациях Маша слышны тихие, слегка печальные нотки. Очень осторожно исполняет Надеждина эту сцену, передавая чувство грусти о невозвратности дивной поры детства.

В «Спартаке», «Бахчисарайском фонтане» и «Щелкунчике» молодая танцовщица раскрыла в своем танце прекрасное, что есть в женщине: добро, покой, гармонию, верность, умение любить преданно и сильно, душевную щедрость, естественность и простоту, а еще красоту пластических форм и красоту их содержания.

Сценическая жизнь Н. Надеждиной только начинается. Но в ее лице театр, по моему, имеет дело с интересным хореографическим дарованием. На мой взгляд, вернуть это дарование можно, усовершенствовав драматическую сторону партий, усилив и укрепив техническую сторону танца, научив танцовщицу преодолевать робость перед зрителем, развивая и утверждая ее личное, неповторимое в искусстве танца.

А. ЩЕЛКУНОВА.

Наша творческая молодежь

а во втором она будто терялась, лишаясь возможности говорить языком танца. Лишь в эпизодах воспоминания к ней вновь возвращалась грация. Но исчезали видения счастливого прошлого, и фигура становилась угловатой, плечи приподнятыми, широко открытые глаза испуганными, растерянными.

В конце спектакля Мария — Надеждина тенью проплывала перед нами, чтоб исчезнуть совсем, оставив на сцене одного Гирея, низко склоненного у «фонтана слез». Занавес. Медленно затихали последние звуки музыки, спектакль заканчивался. Но дух пушкинской романтики, которым пронизан образ героини Надеждиной, оставался.

Прошли гастрольные месяцы, когда театра не было в городе. С начала этого сезона я ожидала встречи с молодой балериной в других спектаклях. И находила то в «невестах» в «Лебедином озере», то в пастушках в

ное, отсутствие техники, робость, неуверенность, которые порой мешают на сцене молодой балерине.

Но положение меняется. На днях я попала на дебют Н. Надеждиной в балете П. И. Чайковского «Щелкунчик». Истинная героиня спектакля — маленькая девочка Маша. Внешние данные танцовщицы как нельзя лучше соответствуют этому образу. Жаль только, что первый акт исполняла другая танцовщица, и лишь конец первого и второй акт — Н. Надеждина, хотя в спектакле Григоревича, в чьей редакции идет «Щелкунчик», Машу-ребенка и Машу-девушку могла исполнять одна и та же балерина.

Маша Надеждиной появляется, когда на сцене — поверженный ниц — один Щелкунчик (Е. Попов). До этого эпизода роль Щелкунчика исполняет опять-таки другой танцовщик, А. Домрачев. Щелкунчик — Попов медленно поднимается, и Машенька — Надеждина ви-